

«Эта операция... имела глубокий политический смысл»

Воспоминания Н.В. Сушунова о боевых действиях частей РККА против корпуса генерала А.С. Бакича на территории Западного Китая в 1921 г.

Весной 1920 г. широкомасштабная Гражданская война в Семиречье завершилась отступлением остатков Отдельной Семиреченской армии белых несколькими группами под командованием генералов Б.В. Анненкова, А.С. Бакича и А.И. Дутова на территорию Западного Китая (Синьцзяна). Отступившие отряды сохранили свою организационную структуру, частично скрыли от китайских властей оружие и расположились в нескольких лагерях вблизи советской границы. Атаман Дутов с отрядом (около 1000 человек) обосновался в городе Суйдин, отряду под командованием генерала А.С. Бакича (около 10000 человек боевого состава) был отведен участок на реке Эмиль неподалеку от приграничного города Чугучак, отряд генерала Б.В. Анненкова (около 700 человек) разместился в лагере на реке Бортог севернее города Кульджа¹. Летом 1920 г. белые в Западном Китае получили подкрепление за счет отступивших в эти края сибирских повстанцев.

Отдельные лидеры белых в Западном Китае (например, А.И. Дутов) вынашивали планы реванша путем вооруженного вторжения на советскую территорию, велась разведывательная и подпольная работа в Семиреченской области. Таким образом, белые отряды в приграничных районах Китая представляли угрозу для Советской России и создавали напряженную обстановку вблизи советской границы. Их активизация была чревата новой вспышкой Гражданской войны. В непростой обстановке начала 1920-х гг. придавалось значение даже слухам о возможных попытках реванша со стороны белых². Наличие неконтролируемых русских военизированных формирований, частично сохранивших и скрывших при интернировании в Китае оружие, беспокоило и китайские власти. Все эти факторы предопределили активные действия советской стороны в союзе с китайскими властями по устранению этой угрозы. Тем более, что оперативные и военные возможности Советской России к весне 1921 г. значительно превышали ресурсы противника на данном направлении.

Еще 27 июля 1920 г. командованием Туркфронта был подготовлен доклад в Реввоенсовет республики о необходимости ликвидации белогвардейских очагов в приграничных районах Китая³. В начале 1921 г. в результате советской спецоперации был убит

---

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; Он же. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; Он же. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. М., 2011. С. 239–268; Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг. М., 2007.

² Богданов М.А. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году // Ученые записки. Вопросы истории СССР (Ульяновск). 1972. Т. 24. Вып. 4. С. 149.

³ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922). М., 1974. Т. 3. С. 541–542. См. также: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 1103. Л. 1об.

атаман А.И. Дутов, что привело к кризису активной части военной эмиграции в Синьцзяне. Усилилось разложение отрядов, личный состав которых уже не понимал смысла своего пребывания в Китае с сохранением прежних военизированных структур. Генерал Б.В. Анненков в марте 1921 г. был арестован китайскими властями. Устранение известных лидеров белых наряду с другими факторами привели к ухудшению материального положения отрядов.

После этих событий наибольшую угрозу для Советской России в Синьцзяне представлял только наиболее мощный и боеспособный отряд под командованием черногорца на русской службе, генерал-лейтенанта А.С. Бакича. Впрочем, реваншистских планов он в тот период не вынашивал. 4 марта 1921 г. отряд Бакича был переименован в отдельный Оренбургский корпус. В мае 1921 г. силы Бакича возросли, поскольку в район его лагеря с территории Советской России пришла так называемая «Народная дивизия» – четыре полка западносибирских крестьян-повстанцев, боровшихся с большевиками и сохранивших оружие. Общая их численность составляла, по различным данным, от 1200 до 2000 человек. Руководил повстанцами сибирский казак С.Г. Токарев, который призначил в Бакича и был произведен в полковники.

Эти события, по-видимому и предопределили организацию специальной военной операции частей РККА (впоследствии она получила наименование Бахтинско-Чугучакской) по ликвидации белых в Западном Китае. 16 (по другим данным, 17) мая 1921 г. в пограничном пункте Бахты между военным губернатором Тарбагатайского округа Синьцзянской провинции Китая и командованием Туркестанского фронта был подписан договор, предусматривавший ввод советских войск на китайскую территорию для ликвидации отряда Бакича и других антибольшевистских формирований.

Основанием для ввода войск стал приказ командующего Туркестанским фронтом № 2031 от 16 мая 1921 г. В приказе по войскам 2-й Туркестанской стрелковой дивизии № 010/оп от 17 мая того же года отмечалось, что ввод войск будет осуществлен, «основываясь на соглашении, заключенном нашими представителями в Бахтах с кит[айскими] властями, о вводе наших войск и оказании помощи кит[айским] частям по разоружении группирующихся белогвардейских банд на кит[айской] территории, усиленных вновь перешедшей границу Китая белогвардейской бандой Токарева (Гноева)⁴, соединившейся с бандой Бакича, расположенной в 35 верстах южнее Чугучака, лагерем на реке Эмиль»⁵. Войскам дивизии строго предписывалось не допускать на китайской территории мародерства. Особо отмечалось, что при действиях в Китае нельзя использовать имевшиеся в наличии таранчинские и дунганские части, личный состав которых враждебен китайцам⁶.

Переход границы советскими войсками был назначен на 22 мая 1921 г., но в дальнейшем эта дата была изменена. Части Туркестанского фронта перешли границу с Китаем 24 мая и заняли город Чугучак, а к вечеру и лагерь белых на реке Эмиль. Силы Семипалатинской группы войск должны были содействовать выполнению операции⁷. Однако Бакич смог заблаговременно узнать о готовящейся операции. Корпус был поднят по тревоге и успел покинуть лагерь. Одним из возможных вариантов действий белых могло стать занятие Чугучака с целью захвата имевшегося там оружия, однако на силовую акцию против китайских властей Бакич не пошел. Тогда стал реализовываться другой план, оказавшийся для белых единственно верным – отход корпуса по территории Китая, через Тарбагатайский хребет, в сторону центра соседнего округа – города Ша-

⁴ Правильно: Гноевых. Речь идет о подъесауле А.А. Гноевых – одном из руководителей повстанцев.

⁵ РГВА. Ф. 1075. Оп. 3. Д. 177. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 67.

⁷ Собенников П.П. Ликвидация Бакича // Красная конница. 1935. № 2. С. 52.

ра-Сумэ⁸. Такой маршрут позволил Бакичу оторваться от преследования частей РККА, а также избежать ненужных столкновений с китайскими войсками (Бакич 13 июня сообщил властям Шара-суминского округа, что «от г. Чугучака до настоящего места мои войска никого не ограбили и не обидели, почему во избежание клеветы и был выбран путь по пустыне»⁹).

Ликвидация белых не удалась, но их силы вытеснили из приграничного района, что устранило существовавший очаг напряженности. При подготовке и проведении операции было допущено немало ошибок. Операция задумывалась как внезапная, но ни внезапности, ни секретности не получилось. Из-за стремления нанести внезапный удар и подстегивания со стороны китайских властей операция готовилась в спешке. Все пришлось организовывать практически за неделю – 16 мая было принято решение о проведении операции, а 24-го она уже началась. Войска не имели хороших карт, предельно затруднена была связь (в период операции от штаба Туркестанского фронта до приграничного пункта Бахты действовал телеграф, далее до Чугучака – телефон, а от Чугучака до района операции – летучая почта, из-за чего донесения и приказания поступали не чаще одного раза в сутки)¹⁰.

Требовалось предусмотреть множество факторов, в том числе возможность бегства войск Бакича или их обратного вторжения в Семиреченскую область, нельзя было сбрасывать со счетов наличие еще одного относительно крупного белого лагеря в районе Суйдина – Кульджи. К стремительному отступлению белых красные не подготовились, не имея в Семиречье достаточно конницы и запасов, необходимых для преследования. Не было должной координации действий между туркестанскими и сибирскими войсками. Помощник главкома по Сибири В.И. Шорин выразил сомнения в успехе операции¹¹, что привело к бездействию сибирских частей на начальном этапе операции.

Неверным оказался и расчет сил, выделенных для проведения операции. Красные по договоренности с китайскими властями вводили на сопредельную территорию 4000 человек. Но расчет на то, что находящийся вблизи границы корпус Бакича может быть ликвидирован местными туркестанскими силами без участия войск из Сибири, не оправдался. Стремительный прорыв белых на восток поставил на повестку дня необходимость привлечения дополнительных войск и действий наперерез Бакичу, которые были возможны только силами сибирской конницы (13-я Сибирская кавалерийская дивизия). Однако соответствующее решение запоздало.

Недостаточной оказалась и дипломатическая подготовка операции. Договор был заключен советскими представителями с руководством Тарбагатайского округа Синьцзянской провинции, а возможность выхода белых за пределы этого округа учтена не была. Аналогичного договора с руководством соседнего Шара-суминского округа у красных не было. Соответственно законные основания для преследования белых в этом районе отсутствовали, а вторжение в соседний округ могло быть воспринято местными властями как агрессия со стороны Советской России и вызвать дипломатические осложнения.

Не был учтен и моральный фактор. Вместе с корпусом Бакича отступали многочисленные гражданские беженцы, в том числе члены семей военнослужащих, что способ-

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 14.

¹⁰ Лямин Н. Операции Красной армии против белых на территории Китайской республики с 17 мая по 17 июня 1921 г. // Военная мысль. Военно-научный журнал РВС Туркфронта. 1921. Август – декабрь. Кн. 3. С. 99–100.

¹¹ Там же. С. 94–95.

ствовало ожесточению сопротивления красным. Не случайно даже советский автор неоднократно упоминал о многочасовых беспощадных боестолкновениях с противником¹².

Осенью 1921 г. ситуация повторилась. 12 сентября в Чугучаке особоуполномоченным РВС войск Сибири И.М. Погодиным и уполномоченным генерал-губернатора Синьцзянской провинции был подписан документ, санкционировавший повторный ввод частей РККА на территорию Китая для ликвидации Бакича. При этом боевые действия против него возобновились еще до подписания документа. 27 августа части РККА заняли исходные районы для наступления¹³, а 1 сентября произошел бой под городом Бурчум. Однако белым вновь удалось уйти, на этот раз в Монголию.

Позднее Бакич вторгся в Урянхайский край, но, потерпев неудачу, вернулся в Монголию и сдался местным властям. В январе 1922 г. решением монгольского народного правительства Бакич и его соратники были выданы советским представителям. 17 июня 1922 г. в 0 часов 30 минут, после судебного процесса в Новониколаевске, Бакич и еще пять офицеров (генерал-майор И.И. Смольнин-Терванд, полковники С.Г. Токарев и И.З. Сизухин, штабс-капитан В.К. Козьминых и корнет М.Н. Шегабетдинов) были расстреляны по приговору Сибирского отделения военной коллегии Верховного революционного трибунала.

В Архиве Президента Республики Казахстан (АПРК), в который вошли документы бывшего архива Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана, сохранились ценные неопубликованные воспоминания бывшего советского коменданта города Чугучак в Западном Китае Н.В. Сушунова (док. № 2) и сопроводительное письмо мемуариста в Институт истории партии при ЦК компартии Казахстана, которое также носит характер воспоминаний (док. № 1). Эти свидетельства существенно дополняют наши представления о событиях Гражданской войны в Семиречье и операциях советских войск против остатков белых формирований, ушедших в Западный Китай.

Воспоминания написаны в сентябре 1956 г. и направлены их автором в Институт истории партии при ЦК Компартии Казахстана. О самом мемуаристе известно немного. Он родился около 1901 г., жил в Казахстане, в 1921 г. состоял работником политотдела Семиреченской группы войск и активно участвовал в операции по ликвидации остатков белых в Западном Китае, принимал участие в переговорах с властями Синьцзянской провинции Китая в качестве секретаря комиссии по переговорам с Китаем по передаче интернированных войск генерала Бакича советской стороне. Свидетельства мемуариста об этой работе наиболее ценны, поскольку освещают неизвестные события дипломатической подготовки советской военной операции в Синьцзяне. После вступления частей РККА на китайскую территорию Сушунов занимал пост советского коменданта приграничного китайского города Чугучак. Его дальнейшая биография известна лишь отрывочно. В 1936 г. Сушунов опубликовал в газете «Казахстанская правда» статью «Книга – золотой фонд советской культуры», в которой призывал беречь книги. В материалах книг памяти жертв политических репрессий есть сведения о Нине Петровне Сушуновой 1899 г. рождения, работавшей корректором «Казахстанской правды» и арестованной 12 декабря 1934 г. НКВД Казахской ССР. 20 апреля 1935 г. она была приговорена Верховным судом Казахской ССР к году исправительно-трудовых лагерей, а в 1990 г. реабилитирована за отсутствием состава преступления¹⁴. Возможно, это была супруга мемуариста.

Публикуемые тексты написаны участником событий с советской стороны в период господства коммунистической идеологии и содержат неизбежные штампы своей эпохи. Мемуарист рассуждал о наличии среди белых в Западном Китае бывших заводчиков,

¹² Там же. С. 97, 100.

¹³ Евсеев [Н.Ф.]. Разгром генерала Бакича // Красная армия Сибири (Новониколаевск). 1923. № 5–6. С. 25–26.

¹⁴ Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007.

фабрикантов и помещиков, замалчивал факты ожесточенного сопротивления белых советским войскам. События от их описания отделены тридцатью пятью годами, что неизбежно повлекло ошибки памяти и неточности (это признавал и сам мемуарист). Тем не менее, свидетельства Сушунова трудно переоценить.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами правописания при сохранении их стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. Выявленные неточности пояснены в комментариях. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Выражаю глубокую признательность алма-атинскому архивисту Е.М. Грибановой, любезно предоставившей копии этих документов для публикации.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.В. ГАНИН.

№ 1

Письмо Н.В. Сушунова в Институт истории партии при ЦК Компартии Казахстана

17 сентября 1956 г.

Институту истории партии при ЦК КП Казахстана

35 лет назад, в 1921 году, мне, тогда двадцатилетнему работнику политотдела Семиреченской группы войск, пришлось быть активным участником и одним из руководителей операции войск Красной армии против остатков белогвардейцев, бежавших или под ударами Красной армии организованно перешедших границу Синьцзянской провинции Китайской республики в период 1918–1920 гг.

Из непосредственных руководителей этой операции, кроме меня, сейчас в живых, как мне известно, никого не осталось. Основной руководитель, А.Л. Раздобреев¹, умер в 1941 г. в городе Алма-Ате². Бывшего военного комиссара 530го стрелкового полка П.Л. Крылова я встречал в Москве, где он жил в 1936 году, и, по частным сведениям, он умер примерно в 1940–1941 гг. Бывший уполномоченный Наркомата внешних сношений т. Анিকেев В.³, кажется, еще в 30-х годах погиб в Японии (рассказывал мне об этом Крылов).

Подготовка, ход и результаты этой операции в печати, как мне известно, освещены не были. В газете «Джетысуйская искра» (кажется, так она называлась) приблизительно в мае 1921 г. были 1–2 раза помещены оперативные сводки о ходе военных действий, относящихся к операции, и это все, что было о ней в печати.

Эта операция был не обычной военной, боевой операцией против белогвардейцев, а имела глубокий политический смысл как мероприятие, направленное на укрепление Советской власти в обширном районе – Копал, Уч-Арал, Лепсинск, Урджар, Маканчи, Джаркент. Положение в то время в этих районах было таково, что достаточно было искры, чтобы пламя кулацкого мятежа вспыхнуло по всему Семиречью, а в условиях, когда даже Алма-Ата (в то время Верный) находился в сотнях километрах от ближайшей железнодорожной станции, ликвидация такого мятежа потребовала бы много сил и средств. Это нужно было предупредить, уничтожить наиболее реальный и активный очаг контрреволюционной вспышки – белогвардейские вооруженные формирования, обосновавшиеся на территории Китая – Синьцзянской провинции. А попытки со стороны белогвардейцев такого рода уже были.

Сложность операции заключалась в том, что операция должна быть проведена на территории иностранного государства, в то время не состоявшего в нормальных дипломатических отношениях с РСФСР. В Чугучаке еще действовал консул царской России, был и английский консул. Они играли видную роль среди белогвардейцев и контрреволюционеров разных мастей, засевших в Чугучаке.

Мне трудно определенно говорить о роли в подготовке и проведении операции коммунистических организаций Семиреченской области, но что помимо военных работников и работников Облчека в этой операции принимали активное участие ряд товарищей из гражданских партийных организаций, казахов и русских – это несомненно. К сожалению, я не помню фамилий, но еще несколько лет назад я встречал двух товарищей, казахов, с которыми с удовольствием вспоминали о встречах и делах того времени. Да и в момент подготовки к поездке, в штабе Семиреченской группы войск, в беседах с руководством Военного совета задача, ставившаяся нам рассматривалась не как боевая, а как политическая и исходящая именно из установок партии.

По тем же причинам, по которым ход операции не был освещен в то время в печати, т. е. ее специфичности, у меня нет и не могло быть каких-либо официальных документов, относящихся к операции. С того времени прошло 35 лет и естественно, что многое не сохранилось и в памяти. Может быть, историческая ценность этой операции, как отдельного факта в становлении Советской власти в Казахстане, и не особенно велика, но мне, как участнику ее в качестве секретаря комиссии⁴, коменданта города Чугучака, участнику переговоров с правительством Синьцзянской провинции, она представляется достаточно интересной, чтобы найти отражение в материалах, характеризующих работу Коммунистической партии в ее борьбе за создание первого в мире социалистического государства, в борьбе за создание социалистического Казахстана.

Все, что я мог выжать из своей памяти, относящееся к операции, я изложил в прилагаемом материале.

Я не собираюсь претендовать на абсолютную точность материала, наоборот, считаю, что ценность материала значительно возрастет, если бы можно было воспользоваться некоторыми документами, которые должны быть в архивах, относящихся к работе политотдела Семиреченской группы войск, штаба Семиреченской группы войск, штаба 4-й Туркестанской стрелковой дивизии (насколько я помню, весной 1921 г. штаб Семиреченской группы войск был ликвидирован и операцию вел штаб 4-й Туркестанской дивизии⁵). Много материалов должно быть в делах Семиреченской Облчека, председателю которой П.П. Покровскому⁶, Раздобреев и лично я сдавали документы и отчеты по операции по возвращении из Китая (примерно 15 июля 1921 г.). Безусловно, самые ценные материалы, характеризующие смысл, значение, исходные данные для операции, должны быть в делах обкома партии того времени (конец 1920 года – начало 1921 года). Может быть, не всё и даже далеко не всё, но кое-что все-таки сохранилось. Я надеюсь на это. Я, например, помню только основные моменты нашего договора с губернатором Синьцзянской провинции, очень мало помню о делах, связанных с работой среди казахов-беженцев в Китай (1916–1918 гг.), хотя в составлении договора я принимал участие, и сам дважды переходил границу Китая для участия в собраниях, организованных нашими товарищами, ведущими работу среди беженцев. В качестве

коменданта гор[ода] Чугучака я лично арестовывал помощника Бакича⁷, полковника Камышинского⁸, консула (кажется, его фамилия Россов⁹) и их документы и архивы были направлены (кому не помню, возможно в Облчека). Одним словом, 35 лет – такой срок, при котором надеяться только на память нельзя.

Если институт найдет нужным использовать материал в своих работах по истории Казахстана или в каком-либо другом направлении, я буду очень рад принять посильное и возможное участие в работе в любой форме.

Н. Сушуннов

АПКР. Ф. 811. Оп. 4. Д. 165. Л. 1–4. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

№ 2

Сушуннов Н.В.

Операция по ликвидации белогвардейских банд в Синьцзянской провинции войсками Семиреченской группы войск Красной армии в 1921 году

17 сентября 1956 г.

1. Предпосылки операции

1. Разгром Красной армией войск адмирала Колчака¹⁰ в Сибири, атамана Анненкова¹¹ в Семиречье, атамана Дутова¹² в оренбургских степях, ликвидация местных кулацких банд в районах, прилегающих к Синьцзянской провинции Китая в 1918–1920 гг., вызвал опасную в военном и политическом отношении концентрацию остатков белогвардейских и кулацких банд в Синьцзяне. Этому способствовало характерное географическое положение [территории] Синьцзяна, глубоко врезавшейся в территорию Советской России, что значительно удлиняло государственные границы между РСФСР и Китаем. Потоки белогвардейцев и беженцев из Советской России вливались в Синьцзян с 2-х и даже с трех сторон: Сибири через Семипалатинск – Зайсан, Туркестана, Семиречья – через Урджар, Бахты, Лепсинск и через Джаркент.

Обширная, мало заселенная территория в треугольнике Кульджа–Чугучак–Урумчи служила пристанищем не только белогвардейским воякам, вынужденным под ударами Красной армии искать пристанища на чужой земле, но в нее устремились торговые и промышленные «тузы», чиновники и попы Семипалатинска, Ташкента, Самары (Куйбышева) и даже Казани и многих пунктов Сибири. Крупную роль играли в эмиграции крупнейший делец Плещеев и ряд других.

2. Условия перехода границы Китая со стороны Синьцзяна были исключительно благоприятны: небольшие по количеству, плохо вооруженные, по существу не имеющие представления о военном деле китайские сторожевые заставы на границе не могли оказать никакого противодействия этим потокам озлобленных

головорезов из банд Анненкова, Дутова, Колчака, кулацких банд Семиреченского и Сибирского [казачьих войск,] кулаков и казахов.

Свободно, со всем вооружением, награбленным добром, стадами скота они переходили границу и широко располагались в удобных для них местах, особенно на реке Эмиль. Крупное офицерство, купечество, местом пребывания избрало Чугучак, население которого возросло в несколько раз. Густо был заселен белогвардейщиной город Кульджа. Наиболее деятельные и предприимчивые вояки и дельцы дошли до Урумчи.

К началу 1920 года количество офицеров и солдат разных белогвардейских формирований и кулацких банд составляло в этом районе многие десятки тысяч человек. В течение 1920 года это скопление контрреволюционных элементов с подходом к границе новых регулярных частей Красной армии, укреплением партийных и советских органов в пограничных с Китаем районах, под влиянием разъяснительной работы основная масса беженцев, большая группа солдат, казаков, офицеров вернулись в Советскую Россию^а. В 1920 году только в районе Зайсана границу Советской России перешли и вернулись на родину несколько тысяч человек.

3. К концу 1920 года в Синьцзяне, в основном в районе Чугучака, осталось более 10 тысяч вооруженных белогвардейцев, в составе которых было около 40 процентов офицеров. К этому времени это были не разрозненные, отдельные группы белогвардейцев. Стараниями генерала Бакича и ряда высших офицеров бывшей армии Колчака и отрядов Анненкова эти группы были приведены в порядок: создан штаб, контрразведка, существовали пехотные, кавалерийские, артиллерийские и инженерные воинские подразделения. Эти подразделения были отлично вооружены всеми видами оружия, включая и артиллерию. Вооружение было сохранено белогвардейцами при переходе границы, и большие запасы оружия и патронов были надежно спрятаны в районных пунктах перехода границы.

Войсковые подразделения, в основном, размещались примерно в 70–100 км от ближайшего пункта советской границы – селения Бахты на реке Эмиль, а уполномоченный штаба Бакича – полковник Камышинский со своим штабом, отделение контрразведки во главе с капитаном Лютиным¹³, мастерские, госпитали – были размещены в 20 км от границы в городе Чугучаке.

Формально вся эта масса белогвардейцев считалась интернированной. Генерал Бакич и его штаб пользовался у властей Синьцзяна полагающейся в этом случае помощью. Снабжались продовольствием, оказывалась помощь в хозяйственной деятельности, постройке казарм и т. д. Лагерь на Эмили был неплохо оборудован всем необходимым для размещения войск, вплоть до церкви, хотя и очень примитивной, издавалась газета и даже журнал.

Не нужно много говорить о лице этого лагеря.

После того, как в течение всего почти 1920 года обратно в Советскую Россию перешли десятки тысяч человек, ранее бежавших от «ужасов коммунизма», в этом лагере, за редким исключением, сконцентрировались такие элементы, возврат которых на Родину был закрыт, а иногда просто не устраивал их ни в каком отношении.

---

^а Так в документе.

Это говорит за многое, но лагерь все-таки не был чужд политическим лозунгам. Конечно, все эти люди были когда-то кем-то и как-то «обижены». Одни лишились поместьев^а, фабрик, заводов. Другие лишены власти, права эксплуатации человека, права грубого произвола. Третьи – блестящей жизни и ничегонеделания, и почти все они имели достаточное количество личных преступлений, совершенных против Советской власти, партии коммунистов, Красной армии.

Диапазон политических группировок был очень велик – от монархистов с лозунгом «За царя-батюшку, за веру православную» до популярного в то время среди кулачества Сибири и Семиречья: «За советскую власть без коммунистов».

Главное в этой своре то, что их объединило и собрало на Эмили, это беспредельная ненависть к коммунистам, к Советской власти. В этом они видели смысл своего существования. Вся эта масса не была пассивной: имея возможность свободного перехода границы, друзей, родственников и единомышленников вблизи границы и в ближайших центрах Советской России, сотни разведчиков и агитаторов и просто бандитов вели на территории Советской России свою работу. Организовывали саботаж мероприятий Советской власти, убийства партийных и советских работников, грабежи населения, разгром советских учреждений, сеяли темные слухи о помощи за границы, о гибели комиссаров и т. д.

Если идеи монархистов, кадетов и других крайне правых деятелей не были популярны среди населения прилегающих пограничных районов, то лозунги эсеров и особенно лозунг «Советская власть без коммунистов» имели и не могли в той обстановке не иметь популярности в среде кулачества, и части рядового казачества и крестьян. Прилегающие к границам Китая (Синьцзяну) пограничные районы были серьезно заражены кулацкими лозунгами. Среди населения прилегающих районов работали кулацкие и белогвардейские агитаторы, ставившие себе целью свержение Советской власти. В этих условиях, особенно принимая во внимание отдаленность Семиречья от центра, отсутствие железных дорог, громадность территории, – наличие крупных, хорошо вооруженных белогвардейских формирований, находившихся в Синьцзяне, представляло серьезную угрозу Советской власти.

Кроме того, Гражданская война в России, в основном, была закончена. Предстояло крупное сокращение Красной армии. И без того сравнительно небольшие войсковые соединения Красной армии, расположенные в Семиречье и в Семипалатинской области, должны быть или значительно сокращены, или расформированы.

В конце 1920 года эти белогвардейские формирования значительно усилили свою активность. Агитаторы из их среды доходили до Усть-Каменогорска, особенно были активны в районе Лепсинска и [в] бывшей анненковской столице Уч-Арале. Штаб белогвардейцев в Чугучаке разрабатывал на весну 1921 г., в расчете на помощь населения, слабость Красной армии, план вооруженного похода против Советской России. С этой целью из среды белогвардейщины формировались различные диверсионные группы, специальные формирования, которые с наступлением весны должны были перейти границу и двинуться против Советской власти.

---

^а Так в документе.

Китайские власти не имели никакой возможности воспрепятствовать этому движению, да по существу были рады любыми способами избавиться от этой большой массы бандитов и головорезов, которые в течение 2-х лет были хозяевами положения на территории Синьцзянской провинции, безнаказанно грабили и убивали население, терроризировали существовавшую власть.

Создавшаяся обстановка в пограничных с Синьцзяном районах Семиреченской и Семипалатинской областей, растущая активность белогвардейских формирований в Синьцзяне, непосредственная угроза вспышки военных действий, были правильно оценены партийными и советскими органами Семиречья и Военному совету Семиреченской группы войск было поручено ликвидировать войска генерала Бакича в Синьцзяне.

Сложность этой работы была очевидна и помимо трудностей переброски частей Красной армии в угрожаемые районы, предстояла сложная работа – провести всю операцию по ликвидации крупных частей белогвардейщины малыми силами, в условиях нахождения врага на территории другого государства, к тому же на территории государства, с которым в то время Советская Россия не имела нормальных дипломатических отношений (в Чугучаке жил и действовал консул царской России. Было и английское консульство).

Для решения этой задачи Военный совет Семиреченской группы войск создал специальный орган, известный в то время только ограниченному кругу партийных, советских и военных работников под названием «Комиссия по переговорам с Китаем по передаче интернированных войск генерала Бакича».

Председатель этой комиссии А.Л. Раздобреев одновременно именовался «уполномоченным Военного совета Семиреченской группы войск».

2. Подготовка операции

В середине января 1921 года назначенный председателем «Комиссии по переговорам с Китаем по передаче интернированных войск генерала Бакича» А.Л. Раздобреев и секретарь комиссии Сушунов Н.В., оба – работники политического отдела Семипалатинской группы войск, в сопровождении 2-х ординарцев-красноармейцев охраны штаба Семи[реченской] группы войск т.т. Вакуленко и Холодкевича по открытому листу особой важности почтовым трактом выехали в пункт своей будущей деятельности – пос. Бахты. Тысяча километров от Верного до Бахтов были преодолены за 4 суток.

Путь был не легкий: морозы и бураны, и одновременно разлившиеся реки, горы и степи, саботаж зрителей почтовых станций при смене лошадей, бандитские нападения по пути следования были побеждены сознанием важности полученной задачи, желанием выполнить ее как можно скорее и лучше, молодостью и энергией (председателю комиссии было 22 года, а секретарю только что исполнилось 20). Оба они были членами Коммунистической партии.

Бахты. Здесь уже находились и вели подготовительную работу остальные члены комиссии: военный комиссар 530[-го] стрелкового полка П.Л. Крылов (полк нес охрану границы)^а, уполномоченный Наркомата внешних сношений В.А. Аникеев. В инструкции, полученной Раздобреевым, задачи комиссии

---

^а Далее вычеркнуто: «начальник Особого отдела Бахтинского района Догадин».

определялись так: любыми мерами и средствами, в кратчайший срок разрушить белогвардейские формирования на территории Синьцзянской провинции, ликвидировать угрозу их вооруженного перехода советской границы, создать возможность для бесперебойной работы органов Советской власти в пограничных районах, прилегающих к Синьцзяну, установить добрососедские отношения с китайскими властями Синьцзяна. Наряду с этими задачами было поручено провести работу за возвращение на родину нескольких тысяч семей казахов, бежавших в Китай в 1916–1918 годах в результате преследований царского правительства и влачивших рабское существование под двойным гнетом своих баев и китайских чиновников.

Полномочия комиссии были очень широки. Весь пограничный район, включая такие крупные населенные пункты, как Уч-Арал, Копал, Лепсинск, Урджар, Маканчи решением комиссии могли быть объявлены на военном положении. Органы Советской власти, органы Чeka на время работы комиссии обязаны были выполнять все задания комиссии. Все части Красной армии, дислоцированные в этих районах и могущие прибыть вновь, переходили в непосредственное распоряжение комиссии. Комиссии предоставлялось право формировать добровольные воинские отряды. По предварительной договоренности командований Туркфронта и Сибири комиссия имела возможность установить связь с частями Красной армии, расположенными на границе Синьцзяна со стороны Семипалатинск – Зайсан и привлечь эти части в случае надобности к участию в операции против войск генерала Бакича.

Комиссия должна была вступить в непосредственный контакт с властями Синьцзянской провинции, добываясь дружбы с ними и, если потребуется, активного участия в операции против белогвардейских формирований.

Основной материальной базой комиссии являлось отделение Внешторга в Бахтах, ценности которого могли быть использованы по усмотрению комиссии.

Эти полномочия комиссии позволяли перейти от нелегальных узких форм работы, ведшейся Особым отделом и политаппаратом 530 полка среди беженцев, солдат и офицеров-белогвардейцев, к широким, активным действиям, не связанными условиями нелегальной работы.

Уже в феврале стало ясно, что, несмотря на кажущуюся монолитность белогвардейских формирований Бакича, суровый режим, дисциплину среди войск – жизнь, обстановка, вести, доходившие до солдат из Советской России, наши письма и листовки, соприкосновение с советской действительностью, делали свое дело: среди солдат и офицеров Бакича нашлись люди, не только перешедшие на нашу территорию, но добровольно, рискуя жизнью, активно помогавшие комиссии в ее работе. Нельзя умолчать о некоторых из них. Таким был поручик Пинаев, уже немолодой офицер, дослужившийся до офицерского чина из солдат, по ряду личных обстоятельств, не пошел «на действительную службу» к Бакичу. С женой и ребенком он в тяжелых материальных условиях жил в Чугучаке. Однажды, с караваном верблюдов, везших шерсть, закупленную Внешторгом у китайских купцов, в качестве погонщика, он попал в Бахты. Своими глазами увидев жизнь в этом уголке Советской России, быт красноармейцев, он пришел в комиссию и попросил разрешения пожить несколько дней в Бахтах, чтобы, как он сказал, «по-

щупать» Советскую власть. Вскоре он стал активным и надежным сотрудником комиссии.

Вахмистр Сибирского казачьего войска Никулин стал сотрудником, верным, активным, при других обстоятельствах: с группой с десяток человек он перешел нашу границу с намерением пограбить население. «Операция» не удалась. Никулин с соратниками попал в руки красноармейской заставы и был препровожден в комиссию. Удивлению Никулина не было границ, когда в комиссии ему было предложено (после допроса) «катиться к черту». Поболтавшись в Бахтах пару суток, Никулин с двумя друзьями (остальные были отправлены на Родину) ушел снова за границу, но через неделю вернулся в Бахты уже навсегда и не один.

Пинаев, Никулин и ряд других бывших белогвардейцев и беженцев сыграли положительную роль в работе комиссии. С их помощью комиссия имела друзей даже в числе работников контрразведки белых. Начальник контрразведки капитан Лютин так же попытался, уже из других соображений, быть «полезным» комиссии. С целью снискать доверие к нему со стороны комиссии, он организовал побег из контрразведки человек 15 заключенных за разные преступления солдат и офицеров (белогвардейцев) и, жонглируя этим козырем, предложил комиссии свои услуги: за 10 пудов золота (ни золотинок меньше) Лютин предложил комиссии такой трюк: он, Лютин, как начальник контрразведки, создаст обстановку, при которой комиссия легко может захватить в плен самого генерала Бакича и его штаб (во время пасхального богослужения в церкви в Чугучаке). Но Лютин в расчете на нашу неопытность в таких делах, «пересоллил» в своем проекте создания обстановки для пленения Бакича и его штаба, потребовав, чтобы операция по пленению штаба проведена была под непосредственным руководством комиссии, т. к. по его словам, он другим «не верит». Трюк контрразведчика не удался. Комиссия располагала данными, характеризующими Лютина, как матерного и опытного провокатора, что не могло не насторожить комиссию и оценить его предложение как провокацию, направленную против комиссии. Проверка подтвердила это предположение.

Обозленный срывом своего плана, Лютин через несколько дней показал свои зубы, пытаясь убить связного комиссии и вскоре по ее решению попал в расставленную ему ловушку и вместе со своим адъютантом поручиком Конищевым был расстрелян.

Эти формы работы среди белогвардейщины хотя и давали результаты, но слишком слабые, недостаточные. В течение февраля–марта месяцев в Советскую Россию перешло около 2 тыс. человек, но основное ядро белогвардейцев – лагерь на Эмили – оставался почти недостижимым для комиссии. С другой стороны, штаб Бакича, встревоженный активностью комиссии, усиливающимся противодействием его планам весеннего похода в Советскую Россию, предпринял ряд контрмер: зверски был убит сотрудник комиссии Пинаев. Ему отрезали голову, которую бросили в людном месте Чугучака. Тяжело ранен один из опытных и активнейших сотрудников комиссии, присланный в помощь комиссии из Ташкента – Мусин. Погибли несколько человек из группы Никулина, погиб честный, самоотверженный сотрудник Хасенов и т. д. Была сделана попытка взорвать гранатой помещение комиссии.

Создавшаяся обстановка настоятельно требовала других методов работы комиссии, более активных, быстрее и надежнее ведущих к конечной цели.

К этому времени (конец марта) член комиссии, уполномоченный наркомата внешних сношений т. Аникеев установил связь с некоторыми китайскими влиятельными лицами. В числе наших, не бескорыстных друзей, были помощник губернатора, начальник таможни, начальник полиции и др[угие]. Благодаря этим связям отношение между китайскими властями и командованием белогвардейских войск, и до этого не блиставшее особым дружелюбием, обострилось. Китайские власти Чугучака стали склоняться в сторону необходимости активных действий против крепко севших на их шею нахлебников. В апреле обстановка позволила секретарю комиссии лично (хотя и нелегально) побывать у самого губернатора провинции и вручить ему письменное предложение от имени комиссии заключить союз против Бакича и предложение ввести на территорию Китая войска Красной армии для военных операций против Бакича. В конце апреля этот вопрос был решен положительно, был подготовлен, и в начале мая подписан договор о вводе войск Красной армии на территорию Китая для ликвидации войск Бакича.

Такой поворот политики китайских властей открывал широкие перспективы для вполне легальных действий комиссии на территории Китая, ускорял и упрощал выполнение задач, поставленных перед комиссией. Заключенный договор, дававший право на ввод частей Красной армии на территорию Китая, обуславливал ряд других моментов, важных в тот период и в той обстановке.

Договор фиксировал, что инициатива в вопросе ввода войск Красной армии исходит от правительства Синьцзянской провинции Китая.

Что вместе с частями Красной армии против войска генерала Бакича будут действовать войска правительства Синьцзяна.

Власти Синьцзянской провинции передавали Красной армии оружие, сданное белогвардейскими войсками в момент перехода ими границ Синьцзяна (часть оружия для отвода глаз действительно была сдана).

Ряд пунктов договора касался вопросов о беженцах, в частности беженцев казахов, определял вопросы взаимодействия войск, вопросы, касающиеся военнопленных и т. д.

Однако в договоре не все было гладко: под давлением китайских властей в договоре было указано такое количество войск Красной армии, подлежащих вводу на территорию Синьцзяна, которое в несколько раз превышало реальные возможности комиссии, но поскольку другого выхода не было, согласие на это было комиссией дано. Комиссия учитывала, что успех дела, его итоги, не всегда решает количество, а нужно учитывать качество и обстановку.

3. Операция

Ввод войск Красной армии на территорию Китая намечался на 21 мая. Силы сторон, которым предстояло теперь встретиться в открытом бою, были далеко не равномерны.

Командование белогвардейских войск располагало примерно восемь – десять тысячами вооруженных, имеющих большой опыт войны солдат и офицеров. Части Красной армии, сгруппированные к этому времени в районе Бахтов и в прилегающих селениях, состояли из 2-х батальонов 530 стрелкового полка, артба-

тарей 2-х орудийного состава, отряда, сформированного комиссией из добровольцев, бывших белогвардейцев (около 100 чел.) и партизанского кавалерийского отряда «Красные горные орлы», сформированного по предложению комиссии из числа активных участников партизанских боев 1919–1920 годов, действовавших в районе с. Урджар¹⁴. Общее число бойцов Красной армии едва достигало 1200 человек. Арифметически на одного бойца Красной армии приходилось 8 белогвардейцев.

На подкрепление частей Красной армии в район Бахтов из Верного (Алма-Ата), Пишпека (Фрунзе) и других гарнизонов Военный совет Семир[еченской] группы войск двинул другие войсковые части, но эти подкрепления вследствие бездорожья, трудных условий передвижения, растянулись длинной цепочкой почти на тысячекилометровом пути между Верным и Бахтами. Ближайшая из передвигавшихся частей – отряд имени Петерса, на 20-е мая находился в 3-х днях пути от Бахтов.

Теоретически велся расчет на участие в операции против войск генерала Бакича части Красной армии, подчиненных командованию Красной армии Сибири, расположенных в районе Семипалатинск – Зайсан, но уверенности в том, что эти войска примут активное участие в боях у комиссии не было: телеграфной или другой технической связи с ними не существовало, связные, посланные комиссией в эти части – не возвращались. Как активная сила части Красной армии Сибири существовали только в одном из пунктов договора с китайцами.

Совершенно не приходилось рассчитывать и на помощь китайских войск: комиссии была известна их полная небоеспособность, и участие их в боевых действиях против войск приходилось учитывать тоже только на бумаге.

Но, как ни тяжело было создавшееся положение в количественном соотношении войск Красной армии и войск генерала Бакича, комиссия не имела морального права и возможностей для того, чтобы отложить операцию хотя бы на один день. С одной стороны, оттяжка в сроках начала операции дискредитировала бы в глазах китайцев Советскую власть и комиссию – как ее представителя, а с другой – комиссия располагала данными, что белогвардейское командование серьезно начало тревожиться передвижением частей Красной армии на границе, активностью комиссии и принимало меры к усилению обороноспособности своего ядра – лагеря на Эмили.

Комиссия, располагала данными, что в Бахты из Верного выехала группа штабных и политических работников, во главе с командиром 177[-й] стрелковой бригады Тюриным. Приезд этой группы ожидался с большим нетерпением. Ее прибытие в Бахты разрешало 2 основных вопроса операции – вопрос военного оперативного руководства и, самое главное, самое важное – вопрос политического содержания операции. Сложность операции заключалась не только в ее организационных трудностях, вызываемых отсутствием обычных условий для выполнения любой другой операции: резкое несоответствие сил сторон, отсутствие данных о местности, на которой предстояло вести операцию и т. д., но предстояло действовать против врага на территории другого государства. Возникла большая сумма вопросов, имевших в данной обстановке особо важное значение: взаимоотношения войск и населения, взаимоотношения с совместно действующими войсками союзника – китайскими войсками, вопросы материального обеспечения войск в усло-

виях отрыва от баз снабжения, неизбежность контакта с окружающим населением другой страны и т. д. и т. п. и, наконец, в условиях, когда на одного бойца Красной армии приходилось 8 человек врагов. Серьезное значение приобретала работа среди будущих пленных белогвардейцев, для их изоляции не было ни средств, ни сил. Поэтому в плане операции были учтены все другие возможности усиления боеспособности частей Красной армии, включая и использование против Бакича материальных средств, оружия, людей, а также госпиталей, расположенных в Чугучаке и пока принадлежащих белогвардейцам. Строить план на этих возможностях, конечно, было рискованно, но другого выхода не было. Последствия показали, что эти возможности, нереальные в обычной обстановке, в основном были использованы неплохо. Решению этих вопросов, как и вообще успешному проведению операции содействовала группа в 30 человек коммунистов, политработников Красной армии и гражданских партийных организаций гор[ода] Верного, прибывших в Бахты накануне операции.

Военный руководитель операции против Бакича, назначенный Военным советом Семиреченской группы войск, командир 177[-й] стрелковой бригады тов. Тюрин с небольшой группой штабных работников прибыл в Бахты за несколько дней до начала операции.

Одновременно с комбригом в распоряжение комиссии прибыла группа коммунистов – политработников Красной армии и партийных работников гражданских партийных организаций в количестве 30 человек.

Эта группа сыграла решающую роль в успешном проведении операции. Коммунисты были расставлены на наиболее ответственных участках работы, возглавляли воинские подразделения, участвующие в операции и как политические руководители сыграли исключительно важную роль в ходе операции.

Оперативный план операции, разработанный штабом бригады, имел в виду основной удар частей Красной армии направить на лагерь белогвардейцев на реке Эмиль. Части Красной армии, предназначенные для этой цели, в своем марше обходили расположенный по пути следования гор[од] Чугучак и, минуя его, шли к основной цели – лагерю. Расстояние до лагеря – около 70 км – должно быть покрыто в кратчайший срок – 24 часа.

Еще до начала операции в район гор[ода] Зайсана были высланы группы бойцов и партизан с задачей установить связь с частями Красной армии, расположенными по границе со стороны Сибири. За несколько часов до перехода границы Китая телефонная связь между лагерем и Чугучаком была прервана, а небольшие подвижные группы партизан и добровольцев ликвидировали все виды сообщения между лагерем и Чугучаком.

Захват гор[ода] Чугучака, ликвидация расположенных в нем штаба помощника Бакича – полковника Камышинского, контрразведки, комендантского управления, захват мастерских, 2-х госпиталей, должен быть осуществлен в течение нескольких часов. Для этой операции была выделена группа добровольцев бывших белогвардейцев, группа партизан из отряда «Красные горные орлы», работники Особого отдела – всего около 100 человек.

В 24 часа в ночь на 21-е мая за 3 часа до выхода основной группы войск отряд под руководством будущего коменданта города перешел границу и, разбившись на 3 группы, вошел в Чугучак^а.

Оказавшая сопротивление комендантская команда частично была уничтожена, а в основном сдалась в плен. Казарма контрразведки, где было человек 20 солдат и офицеров, блокирована и после перестрелки уничтожена. Не совсем удачно прошла операция со штабом полковника Камышинского. Весть о появлении частей Красной армии в Чугучаке дошла до штаба раньше, чем подошла группа коменданта – охрана штаба разбежалась, сам Камышинский и несколько офицеров из штаба укрылись в саду госпиталя, где и попали в наши руки уже часов в 10 утра.

Задача: обеспечить спокойное движение основных частей Красной армии на основную цель – лагерь на Эмили, создать надежный тыл наступающим на лагерь частям, была выполнена. Не потеряв ни одного бойца, имея всего 3-х раненых (из которых ни один не покинул строя), отряды добровольцев и партизан, имевшие в своем составе около 100 человек, захватили в Чугучаке более 1000 человек офицеров, много беженцев и в течение суток переправили их на советскую территорию – в Бахты.

[4.] Операция в лагере

Лагерь являлся основной опорной точкой сопротивления белогвардейцев. На него и был направлен удар основных частей Красной армии. Эти части не связывались в операцию непосредственно в Чугучаке и в своем движении в лагерь обошли его стороной. На рассвете 21-го мая части Красной армии, выйдя за Чугучак, после отдыха, продолжали форсированным маршем движение на лагерь по кратчайшему пути. За Чугучаком к частям Красной армии присоединились 2 кавалерийских отряда китайских войск, человек 400. Боевого значения эти отряды не имели: плохо вооруженные, без командиров (в нашем понимании) они двигались толпой, выполняя роль фланговых охранений. Части Красной армии двигались быстро. В Чугучаке весь состав был посажен на коней, пред[о]ставленных китайцами, и 50 км пути от Чугучака до лагеря должен был^б [быть] по плану пройден к вечеру 21 мая.

Несмотря на то, что всякие виды сообщения лагеря с Чугучаком были заранее прекращены, весть о вступлении частей Красной армии на территорию Китая просочилась в лагерь. Нервное состояние белогвардейских вояк уже в течение 2–3 месяцев живших в ожидании каких-то неизвестных им событий, выразилось в резком падении дисциплины, в неподчинении целых частей распоряжениям штаба Бакича. Так, например, конная разведка, высланная штабом Бакича, встретить наши передовые разъезды в 10–15 км от лагеря почла за лучшее сдаться в плен. Рота стрелков, выставленная штабом Бакича как боевое охранение лагеря, сдалась 5-ти бойцам нашего партизанского отряда ночью с 20 на 21 мая, случайно попавшим в расположение этого боевого охранения.

Очевидцы рассказывали, что Бакич и его штаб при получении известий о движении частей Красной армии совершенно растерялись. В первое время служились молебны, произносились речи, потом начались расстрелы подозритель-

---

^а Так в документе.

^б Так в документе.

ных лиц. Рылись окопы и в то же время на подводы и выюки грузились оружие, патроны, имущество.

Днем 21 мая наши кавалерийские разъезды своими активными действиями начали оказывать влияние и на пути предполагаемого отступления отрядов Бакича. Вышедший из лагеря обоз с запасным оружием, патронами, продовольствием, под охраной двух сотен казаков был захвачен после небольшой перестрелки и уничтожен.

Днем 21 мая, когда основные части Красной армии были еще от лагеря в 20–30 км, из лагеря в далекий и нелегкий путь, через пустыню Гоби на Урумчи и дальше в монгольские степи двинулись основные войска белых. В качестве заслона навстречу наступающим частям Красной армии были выдвинуты отдельные части добровольцев, которых в лагере окрестили «смертниками». Задачей заслону Бакич поставил задержать передвижение Красной армии, дать возможность основным частям оторваться как можно дальше от частей Красной армии.

Но и «смертники» не помогли. Обходным маневром заслон оказался отрезанным от лагеря и уже до подхода основных частей Красной армии стройная система обороны, составленная по всем правилам искусства штаба генерала Бакича, оказалась гнилой ниткой. После нескольких артзалпов из двух орудий «смертники» показали пятки. Но бежать было уже некуда и некогда.

Десяток трупов «самострелов», полтора–два десятка убитых и раненых в перестрелках и более 1000 человек пленных – итог последней попытки Бакича оказать сопротивление Красной армии^а.

Но сам Бакич со штабом, а с ним более трех тысяч человек ушли. Для дальнейшего немедленного преследования, если бы и хватило силы у людей, их не было у лошадей, переход давал себя чувствовать.

Лагерь на Эмили, более двух лет¹⁵ бывший пристанищем и надежной защитой контрреволюционерам всех мастей, изменил свое назначение. На его территории, в еще сохранившихся, полусожженных постройках, в землянках, а больше прямо на земле, на свежем воздухе спали, прижав к себе винтовки, бойцы Красной армии. Только часовые и конные разъезды маячили по недалекой степи, да бойцы из сторожевых охранений время от времени подводили к штабу заблудившихся и попрятавшихся днем белогвардейцев.

Утром 22 мая, когда отдохнувшие и закусившие бойцы были готовы к дальнейшему походу, задачей которого ставилось догнать, добить, чтобы и духу белогвардейского не осталось, к штабу комбрига подскакали 5 всадников на взмысленных лошадях. Новости, привезенные этими вестниками, были радостными – кавалерийские части Красной армии, подчиненные сибирскому командованию, получили приказ командования Красной армии и наш план их участия в операции против Бакича¹⁶. На пути предполагаемого движения последнего отряда Бакича встали три кавполка. «Задача ясна, врага разобьем», – так писал один из командиров кавчастей.

На третий день выхода Бакича из лагеря его отряд в своем движении наткнулся на небольшой заградительный отряд одного из кавполков. Бакичу удалось смять этот отряд, но недолго белые торжествовали победу. Мощный кулак Крас-

^а Далее – рукописный текст.

ной армии был уже занесен... и вскоре опустился на голову защитников «единой – неделимой».

Только около 200 человек во главе с Бакичем спаслись от лихих кавалеристов¹⁷. Оторвавшись от частей Красной армии, бросая по дороге все, что можно было бросить, забирая у населения лошадей, Бакич со своими особо усердными служаками бежал далеко, в Монголию.

Он добежал до Монголии... только затем, чтобы, не успев обжиться на новом месте, попасть в руки Красной армии и получить заслуженный конец – расстрел^а.

Части Красной армии, вышедшие из Бахтов 21 мая, разбивая мелкие группы противника, захватывая пленных, в течение 10 суток дошли до г. Урумчи и по приказу командования с тысячами пленных, 10 июня возвратились на свою территорию. Опасность миновала, граница была свободна.

На параде войск Красной армии, принимавших участие в походе, в Бахтах, 10 лучших бойцов и командиров Красной армии получили боевые ордена Красной армии, только что введенный в Красной армии орден Красной армии²² в Красного знамени¹⁸.

В первых числах июля, обгоняя по пути длиннейшие обозы с беженцами и пленными, председатель комиссии и ее секретарь прибыли в Верный, где снова приступили к своей повседневной работе в политическом отделе 4-й Турк[естанской] стр[елковой] дивизии.

Н. Сушунов

АПК. Ф. 811. Оп. 4. Д. 165. Л. 5–24. Машинопись с рукописной правкой.

Примечания

¹ *Раздобреев Александр Леонтьевич* (1898–1941) – член РКП(б), политработник РККА. Награжден орденом Красного Знамени за разгром войск генерала А.С. Бакича в Китае в 1921 г.

² Погиб в горах под Алма-Атой на охоте, будучи загрызен снежным барсом.

³ *Аникеев Василий Маркович* (1892–?) – член РКП(б), комендант представительства, для поручений и заведующий секретной перепиской уполномоченного отдела внешних сношений в Кульдже (Китай, 08.1920–10.1921).

⁴ Речь идет о комиссии по переговорам с Китаем по передаче интернированных войск генерала Бакича.

⁵ Мемуарист неточен. Операция проводилась 2-й Туркестанской стрелковой дивизией.

⁶ *Покровский Петр Петрович* (1887–1954) – член РКП(б), начальник Особого отдела Семиреченской областной ЧК (с 11.1920), начальник секретно-оперативного отдела Семиреченской областной ЧК (в 1921).

⁷ *Бакич Андрей Степанович* (1878–1922) – генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения на Востоке России, командир отдельного Оренбургского корпуса в Китае (1921).

⁸ Личность не установлена. По документам известен *Камышиников-Камышинский Павел Ксенофонович* (1895–1933) – подполковник, командир роты в корпусе генерала А.С. Бакича. Участник отступления войск Бакича по территории Китая к Шара-Сумэ. Попал в

²¹ ⁶ Далее – рукописный текст.

^а Так в документе.

плен. По Чуйскому тракту направлен в Бийск, но брошен конвоем как обессилевший. Добрался до Бийска, находился в больнице (04.1922). Выдавал себя за беженца из Поволжья, работал счетоводом и бухгалтером. Вместе с тем, в показаниях гражданской жены А.С. Бакича А.Н. Ишимовой также упоминался полковник Комашинский, попавший в плен в Чугучаке (Ганин А.В. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть»). Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. Отв. ред. К.В. Никифоров. М. 2011. С. 248).

⁹ Российские дипломатические представительства в Китае закрылись в сентябре – декабре 1920 г. Российским консулом в Чугучаке являлся *Долбежев Владимир Васильевич* (1873–1958), уехавший в Пекин в ноябре 1920 г. Возможно, речь идет об одном из оставшихся после его отъезда сотрудников.

¹⁰ *Колчак Александр Васильевич* (1874–1920) – адмирал, один из лидеров Белого движения, Верховный правитель России.

¹¹ *Анненков Борис Владимирович* (1889–1927) – генерал-майор, командующий отдельной Семиреченской армией (1919–1920). С мая 1920 г. в эмиграции, в Китае, в лагере на р. Боротол (севернее г. Кульджа).

¹² *Дутов Александр Ильич* (1879–1921) – генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения, Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска. В эмиграции (с 02.04.1920) – в Западном Китае. Жил с небольшим отрядом в г. Суйдин. Готовил военное вторжение на советскую территорию. Смертельно ранен советским агентом М. Ходжамиаровым при покушении.

¹³ *Лютин Григорий Васильевич* – штабс-капитан. Комендант лагеря отряда генерала А.С. Бакича на р. Эмилъ возле города Чугучак в Западном Китае (1920). Заведующий контрразведкой отряда.

¹⁴ «Красные горные орлы Тарбагатая» – название красного партизанского отряда, действовавшего в 1919–1920 гг. в Урджарском и Сергиопольском уездах Семиреченской области. После соединения с частями РККА в конце марта 1920 г. отряд был переименован в 1-й кавалерийский полк горных орлов. Подробнее см.: Елагин А. Красные горные орлы Тарбагатая. Алма-Ата, 1961.

¹⁵ На самом деле – чуть больше одного года.

¹⁶ На самом деле речь идет о событиях 25–26 мая 1921 г.

¹⁷ По оценке самого Бакича, удалось вывести около 5000 бойцов и 3000 беженцев (ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 137. Л. 5об.).

¹⁸ В действительности орден Красного Знамени был учрежден в 1918 г.